

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9 — 16 августа 1960

ТОМ III
ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ X, XI, XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Мукими, Хамза-Хакимзаде и др. Монография, написанная на основе изучения архивных материалов и многочисленных рукописей как на таджикском, так и на узбекском языках, представляет большой научный интерес.

В связи с 130-летием со дня рождения Ахмада Дониша (1827—1897) Отдел философии Академии наук Таджикской ССР подготовил монографию о его общественно-политических и философских взглядах. Ценной публикацией является издание отрывков из основного трактата Ахмада Дониша *Наводир ул-вакоъ*, осуществленное Р. Ходи-заде и снабженное интересным послесловием и примечаниями.

Кроме монографических работ, ученые Таджикистана публикуют многочисленные статьи по общественно-политическим и философским вопросам в периодических научных и общественно-политических журналах.

Учеными Таджикистана написаны также соответствующие параграфы *Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР* (М., 1955—1956) и первых двух томов шеститомной *Истории философии*.

Философы Таджикистана, занимаясь всесторонним изучением богатого научного и философского наследия своего народа, идут по пути создания отдельных монографических работ, на основе которых в ближайшем будущем можно будет приступить к написанию капитальной истории общественно-политической и философской мысли таджикского народа.

11 августа, утреннее заседание
Председатель С. Б. Байшев (Алма-Ата)

В. А. РОМОДИН (Ленинград): НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ И КОКАНДСКОГО ХАНСТВА (XVI—XIX вв.)
В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ ЛЕНИНГРАДА

В предисловии к книге П. И. Иванова «Очерки по истории Средней Азии» отмечено, что назрела задача систематически и полно изложить историю народов Средней Азии XVI—XIX вв., для чего необходим ряд исследований, в частности по истории и экономике отдельных областей и по «политической истории узбекских ханств в Средней Азии в XVIII и начале XIX вв., где также еще много неясного»¹. Ферганская долина и прилегающие к ней горные местности относятся к наименее изученным в историческом отношении областям Средней Азии.

Для исследования политической жизни Ферганы в XVIII — начале XIX вв. (состояние ее изученности видно из того, что не установлена даже хронология правителей) мы располагаем местными повествовательными источниками. Они только частично использованы, мало изучены и, за исключением *Тārīх-и Шāхрӯҳӣ*, не изданы. В рукописных собраниях Ленинграда имеется несколько исторических сочинений кокандских авторов. Рассмотрим одно из них — *Мунтахаб ат-Тавārīх* (сочинение сравнительно малоизвестное и весьма своеобразное) с целью определить, какие его разделы имеют значение первоисточника, и дать характеристику автора, личная судьба которого сказалась на

особенностях, достоинствах и недостатках его труда. Краткие характеристики содержания ряда других кокандских исторических сочинений приводятся для оценки возможностей заполнения пробелов, существующих в разработке политической истории Ферганы и Кокандского ханства XVIII — начала XIX в.

Из более ранних ферганских повествовательных источников остановимся на неиспользованном еще исследователями произведении *Маджмӯ'ат-Тавӯриҳ*. В связи с более общим вопросом о значении «житийной» мусульманской литературы как одного из источников для исследования истории и культуры феодального Востока изложим некоторые интересные историко-этнографические и фольклорные данные из *Маджму' ат-Тавӯриҳ*.

В Ленинградском отделении Института народов Азии под шифром С-470 имеется ценный и очень редкий список *Мунтахаб ат-Тавӯриҳ*². Он относится, наряду с ташкентским списком № 592, к числу 10 или 11 сделанных в Шахрисябзском вилайете в 1843 г. непосредственно с оригинала. *Мунтахаб ат-Тавӯриҳ* — исторический и автобиографический труд, законченный в 1842—1843 гг. В нем очень кратко изложены известия легендарного характера и сведения о первых халифах и мусульманских династиях до Тимура. Далее изложение становится более подробным, особенно при освещении истории Средней Азии (главным образом Бухары) при Мангытах. Основная часть сочинения, посвященная история Кокандского государства Мингов от 1720 годов и описанию путешествий автора, занимает более половины всего текста.

Автор сочинения — Мухаммед-Хаким-хән, сын Сейид Масӯм-хәна, — происходил из знатной семьи; отец и дед его были видными кокандскими сановниками. Сам он с детства находился при наследнике престола Мухаммед-'Али. После вступления последнего на трон в 1822 г. Мухаммед-Хаким-хән попал в немилость, был изгнан и провел семь лет в дальних странствиях. Возвратившись, он поселился в Шахрисябзе.

При изложении событий, очевидцем и участником которых был автор, история нередко переплетается с личными воспоминаниями, и сочинение приобретает характер мемуаров, особенно в разделах, посвященных Коканду. Рассказывая о пребывании в России, автор описывает местности, поселения, дома, парады войск, посещение церкви, приемы у губернаторов, говорит о сибирских морозах и Нижегородской ярмарке, сообщает о встрече с царем Александром I в Оренбурге и т. д. Из описаний видно, как воспринимались незнакомая русская жизнь, быт (дворянский), культура и т. п. знатным изгнанником из Средней Азии, человеком восточной образованности.

Повествование Мухаммед-Хаким-хәна интересно и потому, что оно служило читателям в Средней Азии своего рода источником сведений о России, ибо его сочинение пользовалось популярностью и было сравнительно широко распространено. Автор описал также свои путешествия и приключения в Сирии, Палестине, Египте, Иране, Бухаре и т. д., хадж в Мекку и Медину.

Для истории Кокандского ханства *Мунтахаб ат-Тавӯриҳ* — один из важнейших первоисточников прежде всего для событий времени 'Умар-хәна (1810—1822), очевидцем и участником которых был автор. Для истории времени Нәрбӯта-бия (1770—1798/99) и 'Алим-хәна (1798/99—1810) сочинение также отчасти является источником, ибо автор располагал сведениями, основанными на воспоминаниях своего отца

и других очевидцев. Сравнительно менее полно изложены внутренние события, происходившие в Кокандском ханстве в 20—30-е годы XIX в., в чем сказался вынужденный отрыв автора от Средней Азии в годы его путешествий и его резко отрицательное отношение к Мухаммед-Али (1822—1842). Но последние годы и падение этого правителя освещены подробно и интересно.

Рассказы о временах первых кокандских биев не во всем достоверны; сколько-нибудь четкой хронологии автор не дает. Отдельные моменты из этих рассказов основаны на устной традиции, причем в ряде случаев автор приводит имена передавших ему сообщения, слышанные ими от участников событий. Так, повествуя о сражениях с калмаками, вторгнувшимся в Фергану (по-видимому, в середине 40-х годов), автор ссылается на слова Ишан-Султанхана, передавшего услышанное им от участника событий³.

Автор *Мунтахаб ат-Таварих* был для своего времени образованным и начитанным человеком. При составлении компилятивной части сочинения он использовал различные письменные источники (хотя ссылки на них редки). Путешествия Мухаммед-Хаким-хана, встречи и беседы с самыми различными людьми значительно расширили его кругозор. В сочинении нередко указываются беседы как источник тех или иных сведений. Так, об Америке он слышал от людей из Грузии⁴.

С событиями своего века на Ближнем и Среднем Востоке автор был в общих чертах знаком неплохо. Гораздо более скудными были его сведения о европейских странах и особенно об их истории. Лучше всего Мухаммед-Хаким-хан знал, естественно, Среднюю Азию и в повествовании о ее прошлом дал цельную картину общего хода династийно-политической и военной истории Кокандского государства конца XVIII — первого десятилетия XIX в. и сообщил немало полезных данных по истории Бухары. В его сочинении имеются также сведения о не изученной еще административной системе Кокандского ханства, о чинах и титулах сановников и т. п.

Одна из отличительных черт *Мунтахаб ат-Таварих*, как источника, — его многосторонность и разнообразие сведений, в чем сказались широта кругозора и большой жизненный опыт автора. Один из разделов сочинения представляет интерес для истории Афганистана. В нем сообщаются некоторые любопытные сведения об англо-афганской войне 1838—1842 гг. и подробности о событиях, связанных с эмиграцией Дост-Мухаммеда в Бухару, о бегстве его оттуда в Шахрисябз и отъезде в Афганистан. Для этих событий *Мунтахаб ат-Таварих* является первоисточником, ибо автор встречался с афганским эмиром и его сыновьями и, по-видимому, передает то, что от них слышал⁵.

Не выходя из рамок обычных для придворных летописцев представлений об истории как об арене деятельности преимущественно или исключительно государей, их полководцев и сановников, Мухаммед-Хаким-хан обладал важными для автора качествами: наблюдательностью, опытом и знанием людей и событий. Его сочинение — не только богатый фактический материал источник для изучения политической жизни Коканда, но и один из интереснейших памятников феодальной исторической и мемуарной литературы Средней Азии.

Пока самым ранним из известных сочинений историков Кокандского ханства является *Шах-нама* Мирзы Қаландара Мушриффа Исфараги, начатое в 1822 г.⁶ До этого года доводится в нем и описание событий. Дополняя *Мунтахаб ат-Таварих*, это сочинение также служит

первоисточником для истории времени 'Умар-хана. Мухаммед-Хакимхан уделяет больше внимания взаимоотношениям Коканда с Бухарой, Мушриф — кокандским завоеванием в казахских областях.

В сочинении *Тухфат ат-Тавёрйх-и Хяни* Муллы 'Аваз-Мухаммеда изложена история Ферганы с XVI в. до 60-х годов XIX в.⁷ Оно является первоисточником для изучения истории Коканда с 40-х до 60-х годов. Предшествующая же часть сочинения компилятивна. Ряд разделов о правлении 'Умар-хана переписан из сочинения Мушрифа, а по истории Ферганы в XVIII в. — у Мухаммад Хаким-хана. Однако автор *Тухфатат-Тавёрйх-и Хяни*, по профессии купец, был местным жителем, хорошо знакомым с достопримечательностями и народными преданиями Ферганы. Поэтому и в компилятивной части его труда имеются небезытересные дополнения и замечания.

К первоисточникам по истории Коканда в XIX в. относится сочинение *Тарйх-и Шяхрйхй* Муллы Нйаз-Мухаммеда Хёкандй⁸. В нем излагаются события от начала XVIII в. до 70-х годов XIX в. Даже в компилятивных разделах (относящихся к XVIII в.), как правило, не повторяются сведения, имеющиеся в работах других известных нам кокандских историков. Вероятно, автор пользовался не только устными преданиями, но и недошедшими до нас письменными источниками. Для истории Ферганы с XVIII в. дается сравнительно четкая хронология.

Одна из отличительных черт ферганских источников XVI—XIX вв. — обилие сведений о кочевниках, населявших как Ферганскую долину, так и прилегающие к ней горные области, и игравших немалую роль в политической и хозяйственной жизни. Но в «чисто» исторических сочинениях сообщается о кочевниках, как правило, только в связи с участием их в военно-политических событиях. Одним из путей для введения в науку нового о них материала социально-экономического и историко-этнографического характера является изучение агнографической литературы, жизнеописаний шейхов религиозных орденов и других мусульманских духовных лиц, связанных с Ферганой. Такой материал нуждается в особо критическом отношении. Однако он не только позволяет судить о влиянии мусульманской религии и духовенства, что само по себе важно при изучении феодального прошлого, но иногда содержит интересные данные о быте, социально-экономических отношениях и истории культуры⁹. Большую ценность такие данные представляют, в частности, для изучения истории народов, у которых (как, например, у киргизов в рассматриваемый период), письменность была слабо распространена, историографии не имелось, произведения народного творчества сохранялись только в устной передаче.

В Ленинграде имеются два списка сочинения *Маджм' ат-Тавёрйх*, написанного в Фергане в XVI в. Муллой Сайф ад-дйном Ахсикандй, сыном Дамуллы Шях-Аббаса и законченного сыном автора Нур-Мухаммедом (или Навруз-Мухаммедом). Оба списка по внешним данным датируются первой половиной XIX в. Список Ленинградского отделения Института народов Азии В—667 был кратко охарактеризован В. В. Бартольд¹⁰. Второй список, хранящийся под шифром Ms 0.963 на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, был описан А. Т. Тагирджановым при составлении им *Описания персидских и таджикских рукописей Восточного факультета ЛГУ*. Этой неопубликованной работе А. Т. Тагирджанова мы обязаны

первоначальным знакомством с содержанием сочинения. Приведенный в описании перечень основных подзаголовков показал, что в *Маджмӯ' ат-Тавб̄риҳ* имеются эпизоды, связанные с именем героя киргизского эпоса, богатыря Манаса.

В предисловии к *Маджмӯ' ат-Тавб̄риҳ* автор в числе своих источников указывает *Тавб̄риҳ-и Моголийа* и *Тавб̄риҳ-и Зубдат ал-Башарā*¹¹. Основной сюжетной канвой являются жизнеописания касанских шейхов, доведенные до Махдӯм-и А'зама (годом смерти которого указывается 1539), и его мюридов. В начале сочинения рассказывается о легендарных подвигах имама Джа'фар Садықа, связанных с распространением ислама в Восточном Туркестане. Более всего внимания уделено его потомкам Сейид Джалāl ад-дīну и Сейид Мир Джалīлу (Мавлāнā А'заму, ум. в 1436/37 г.). Деятельность этих шейхов описывается в связи с историческими событиями конца XIV — начала XV в. В жизнеописаниях этих и других шейхов множество анахронизмов и фантастических сообщений. Исторические события и лица переплетены и смешаны с легендарными.

Герой киргизского эпоса — сам Манас, отец его Я'қуб-бёк, главный враг — калмакский хан Джолой — также выступают наряду с героями, носящими имена исторических лиц: Токтамыш-ханом, Фӯладом, Қамар ад-дīном, Инкā-тӯром и некоторыми другими. При этом известному золотоордынскому хану Тохтамышу приписана фантастическая генеалогия от Атана (اتان) и Онг-хāна (اونك خان)¹². Таким образом, Тохтамыш по происхождению связывается с Инкā-тӯрой. А генеалогия этого последнего возведена к легендарным предкам родоначальников киргизских племен¹³. Қамар-ад-дīн представлен сыном и наследником калмакского хана Джолоя, Джолой же — сыном Чонгчи (چونگچه), калмакского торё. Автор сочинения поместил Манаса в историческую обстановку второй половины XIV в. В сочинении рассказывается о первых богатырских подвигах двенадцатилетнего Манаса, выступавшего во главе дружины из сорока «каркаринских молодцов» (جمل جوان قرقه), о борьбе его с калмакским ханом Джолоем, которого он в конце концов убивает в единоборстве. Манас выступает как смелый воин и богатырь, но он не наделен сверхъестественной силой. В поединках его ранят, как и всех обыкновенных людей; иногда он даже получает больше ранений, чем его противники.

Военные сцены часто описаны весьма натуралистически. Богатыри сражаются копьями, саблями и палицами. В рассказе о поединке Манаса с калмакским богатырем Джондолоем (جوندولای), Манас, «поручив себя богу и испрашивая поддержку и помощь у пира нашего», поражает противника копьем в живот. Калмаки обращаются в бегство, Манас с сорока каркаринскими молодцами преследует их, а возвратившись, сжигает (труп) Джондолоя¹⁴. Джондолой был дядей (по отцу) калмакского хана Джолоя. Дядя Манаса (по отцу) также носит имя, рифмующееся с именем своего племянника, — Қарнās (قرناس).

В сочинении изложено несколько эпизодов, имеющих в киргизском эпосе, в частности отравление Манаса калмаками, в котором, по *Маджмӯ' ат-Тавб̄риҳ*, принимал участие Джолой, излечение же Манаса приписывается Сейид Джалал ад-дīну¹⁵. Враги Манаса называются калмаками.

Местом жительства Манаса является поселение Қара-Қышлақ в Таласе. Отцом Манаса был Я'қуб-бёк, сын Қарқары. Этнически насе-

ление подвластного Манасу иля в Таласе определяется термином *қыб-чйк*. В связи с изложением сюжетов эпоса и при описании многих других военных событий, в сочинении приводятся названия племен и местностей, интересных для этнографии киргизов и других тюркских племен, а также для изучения исторической топонимики Тянь-Шаня.

Некоторые сюжеты, по-видимому, свидетельствуют о связях версии эпоса, пересказываемой автором *Маджмӯ'ат-Тавārīх*, не только со среднеазиатским слоем эпопеи, но и с казахско-ногайским, — связях, отмеченных в специальной литературе¹⁶. Так, в разделе, озаглавленном «О прибытии Токтәмбш-хана от реки А'дыл (т. е. Итиль, Волга) в сторону Ташкента», рассказывается о сражениях, в которых Тимурходжа, Манас и Қарнас, выступавшие на стороне Токтәмбш-хана, победили Фүләда и его богатыря Йәмгурчи (يامغورچه)¹⁷.

Несмотря на то что изложение сюжетов эпоса дается в религиозном мусульманском освещении, факт обнаружения их в сочинении XVI в. представляет большой научный интерес, так как этот материал может быть использован для исследования истории эпоса. Даже если предположить (к чему пока нет оснований), что изложение сюжетов эпоса относится к более позднему времени, чем написание сочинения, этот материал не потеряет своей ценности для исследователей киргизского фольклора. Во всяком случае весьма примечателен уже сам по себе факт обнаружения пересказа нескольких эпизодов эпоса или использования его сюжетных мотивов восточным автором. До сих пор первыми известиями об эпосе *Манас* считались материалы, собранные в 1856 г. казахским ученым Ч. Валихановым, которому принадлежит честь открытия эпоса для науки. За ними последовали записи акад. В. В. Радлова.

В сочинении *Маджмӯ'ат-Тавārīх* много данных по генеалогиям киргизских племен, хотя общее для них название «киргиз» в тексте встречается очень редко. Известные по этнографическим данным легендарные или действительные родоначальники киргизских племен в сочинении выступают в качестве реально существовавших лиц — биев, являвшихся мюридами Сайд Джалила. Описываются взаимоотношения этих биев с Тимуром.

В приложении приводим сводные данные по родословиям киргизских племен, извлеченные из *Маджмӯ'ат-Тавārīх*, и хронологическую таблицу Мингских правителей XVIII — начала XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии* (XVI—середина XIX в.), М., 1958, стр. 12.

² О списке см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Некоторые рукописи...*, — «Ученые записки ИВ АН», т. XVI, М., 1958, стр. 241—242.

³ С—47), л. 342а.

⁴ С—47), л. 44б.

⁵ С—47), л. 269а и сл.

⁶ Об этом соч. см.: В. А. Ромодин, *Новый источник...*, — «Проблемы Востоковедения», 1959, № 3.

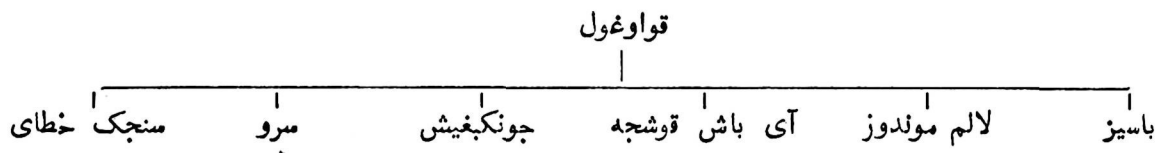
⁷ О списке С—44) см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Некоторые рукописи...*, стр. 22. — Сведения об авторе и сочинении по ташкентскому списку см. в статье: Р. Н. Набиев, *Уникальный источник...*, — ИАН УзбССР, 1947, № 4.

⁸ Изд. Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

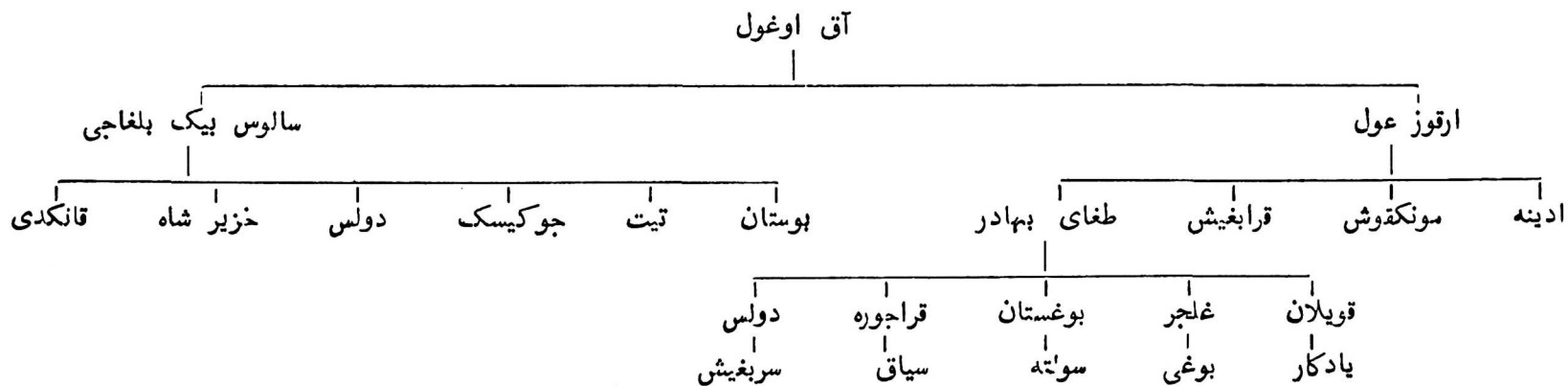
⁹ О значении агиографических сочинений как исторического источника см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Некоторые рукописи...*, стр. 258.

Генеалогии киргизских племен по *Маджму' ат-Таварих*

1) Родоначальник левого крыла и его сыновья

2) Родоначальник правого крыла и его потомство

Генеалогии родоначальников киргизских племен и монгольского правителя
Инкя Тура, извлеченные из *Маджму' ат-Таварих*

	Левое крыло	Правое крыло	Генеалогия Инкя Тура
1	انا الحق	انا الحق	انا الحق
2	لر بزرگ	لرخان	لرخان
3	غزالدين قليچ	غزخان	غزخان
4	دوله بى	ارسلانکى بى	ارسلانکى بى
5	حوشبکى بى	قلی بى	احمدىک
6	مؤنين بى	شاه فوربى	قلی بى
7	درويش بى	تميش بى	توردى بى
8	کمين بى	ارسلان بى	آق توغ (= اونک خان =)
9	نورى	تمين بى	مارى بى
10	مهران	مارى بى	دوله بى
11	نظر بى جرم باى	شکرى بى	اتان بى
12	سيوندکى بى	قافلانکى بى	قل جوغاج توره
13	سرى محمد	سنگين بى	انکا توره باى مراد جریک
14	باى محمد	سره بى	
15	کنجه مراد	غازى بى	
16	نقاش (?)	دمبور	
17	قوانقایدى بى	دولان	
18	قواى بى	کوکتمش	
19	ابول بى	بز اوغلان	
20	اتان بى	آق اوغول	
21	لک لک بى		
22	ساربوغابى		
23	قواوغول		

ХРОНОЛОГИЯ

Мингских биев XVIII в. и первых ханов Коканда, составленная в основном по нарративным кокандским источникам

Имена правителей	Годы правления по кокандским нарративным источникам		Даты, указанные в кн. „Мусульманские династии“ Ст. Лэн-Пуля	
	По лунному летосч. от хиджры	Н. Э.	По лунному летосч. от хиджры	Н. Э.
Шахрух-бий	1121—1134	1709/10—1721/2	ок. 1112	ок. 1700
Абдуррахим-бий	1134—1146 (?)	1721/2—1734(?)		
Абдулкерим-бий	1146(?)—ок. 1164	1734(?)—ок. 1750/1		
Абдуррахман-бий	ок. 1164—ок. 1165	ок. 1750/1—ок. 1751		
Ирдана-бий*	ок. 1165—ок. 1183	ок. 1751—ок. 1770		
Нарбута-бий	ок. 1183—1213	ок. 1770—1798/9	1184(?)—1215	1770(?)—1800
Алим-хан	1213—1225	1798/9—1810	1215—1224	1800—1809
Омар-хан	1225—1237	1810—1822	1224—1237	1809—1822

* Ирдана-бий правил с перерывами: в 1166 г. х. (1753) власть около одного года принадлежала Баба-бию, в 1177 г. х. (1763/4) в течение трех или шести месяцев у власти находился Сулейман-бий.

¹⁰ ЗВО, XII, 1930, стр. VI.

¹¹ Предисловие хорошо сохранилось в университетском списке. В списке Института народов Азии от него остался только небольшой фрагмент.

¹² В—667, лл. 53а, 154б.

¹³ В—667, лл. 154б, 86а.

¹⁴ В—667, лл. 56б.

¹⁵ В—667, лл. 72б—75б.

¹⁶ В. М. Журмулский, *Введение в изучение «Манаса»*, Фрунзе, 1948, стр. 63.

¹⁷ В—667, лл. 58а—64а.

М. Ю. ЮЛДАШЕВ (Ташкент): РАСШИФРОВКА 34-го ДАФТАРА
ИЗ АРХИВА ХИВИНСКИХ ХАНОВ (К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ В ХИВЕ XIX в.)

В числе докладов членов советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов в 1954 г. было и наше сообщение о государственном архиве феодальной Хивы XIX в.¹

В то время мы могли сообщить лишь о некоторых предварительных результатах работы советских востоковедов над изучением данного архива. Теперь имеется возможность дать более детальное обозрение архива уже по отдельным проблемам, что является целью настоящего доклада.

Советскими востоковедами проделана значительная работа по исследованию и расшифровке уникального архива хивинских ханов².

Отсутствие до последнего времени в руках исследователей подлинных документов, освещающих внутреннюю жизнь отдельных стран Средней Азии, являлось серьезным тормозом в развитии исторической науки. Востоковедам долгое время не удавалось проникнуть во многие «тайны» государственного устройства и социальных отношений в Хивинском ханстве.

Лишь советскому историку, ныне покойному, П. П. Иванову удалось расширить рамки исследования вопроса. В 1936 г. он обнаружил в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде ранее не изученный историками архив хивинских ханов XIX в., доставленный в Петербург вскоре после похода русских войск в Хиву в 1873 г. Благодаря этой находке советские ученые получили ценнейший первоисточник, дающий ключ к правильному пониманию истории Хивы и других среднеазиатских ханств в прошлом веке. Акад. И. Ю. Крачковский высоко оценил значение архива, найденного П. П. Ивановым, опубликовавшим содержание некоторых архивных тетрадей. П. П. Иванов ввел в науку новый и свежий материал, приподняв завесу над полным неясностей вопросом о природе социально-экономических отношений в Хиве XIX в.

Впоследствии оказалось, что в Публичной библиотеке хранилась только часть этого уникального архива. Большое количество документов было обнаружено в фондах бывшего Азиатского музея (ныне Институт народов Азии Академии наук СССР). В 1948 г. мы нашли здесь много неизвестных ранее тетрадей хивинского архива, значительно дополнивших и сделавших еще более ценной находку П. П. Иванова.

В общей сложности архив насчитывает, как сейчас установлено, свыше 11 тыс. листов. П. П. Иванов, располагая лишь частью документов, не мог сделать достаточно полных выводов о содержании

архива в целом, хотя, дав общее описание известной ему части и распределив документы по группам, он сделал важный вклад в научную разработку истории Средней Азии.

Обнаружение ранее неизвестных тетрадей архива хивинских ханов и других документов позволяет значительно расширить рамки начатого П. П. Ивановым исследования. Вносится, в частности, значительно большая ясность в вопрос о поземельном налоге как важнейшем источнике эксплуатации населения и пополнения ханской казны; определяется процесс становления крупного феодально-помещичьего землевладения и создания в XIX в. новой системы централизованного государственного устройства, отвечавшей потребностям экономического развития Хивы и вызванной обострением в тот период классовой борьбы внутри ханства. Эта система защищала интересы крупных землевладельцев, боровшихся против сепаратистски настроенной старой кочевой родовой знати и державших в узде эксплуатируемое большинство населения, лишенное всяких политических прав. Такая именно власть — деспотическое ханское государство — и была создана и укреплена в Хиве при Мухаммед Рахим-хане и его преемниках.

Административное устройство ханства базировалось на твердо организованной системе органов управления. Наиболее совершенным и оперативно действовавшим являлось финансово-налоговое ведомство, исполнявшее одновременно и функции ведомства публичных работ. Управлялось оно тремя лицами: *мехтером*, *кушбеги* и *диванбеги*. Аппарат по сбору налогов, взыскивавшихся сурово и беспощадно, был чрезвычайно развит и занимал в системе государственного управления ведущее положение.

Наряду с центральным управлением в начале XIX в. в Хиве сложилось и местное управление по территориальному принципу — по округам и мечетям (приходам). Материалы архива позволяют выявить поименные списки должностных лиц не только в центральных органах, но и в округах. Кроме того, они позволяют составить точную карту административно-территориального деления государства. Подтверждением этого может служить тетрадь № 34 архива хивинских ханов, содержащая данные о сборе земельного налога по всей территории ханства. В ней перечислены вилайеты и мечети, являвшиеся низовыми административными единицами³. Расшифровка тетради была затруднена тем, что сложение цифр, приведенных во второй, третьей и четвертой графах, давало число, не совпадающее с итогом, указанным в графе пятой.

Приведем пример:

Название мечети	Высшее	Среднее	Низшее	Итого
Мечеть Абдурахман кара	Нет	1	5	7
Мечеть Нияз Давурды Мутавали	1	1	5	10*

* Аналогичным порядком перечислены все 1183 мечети.

Видимо, это не позволило нашедшему тетрадь П. П. Иванову разобраться в ее существовании. Продолжая работу, начатую покойным ученым, нам удалось установить принцип подсчета, который применяли

чинovníки, заполнявшие тетрадь, и теперь вся она может быть прочитана и исследована. Мы выяснили, что во второй, третьей и четвертой графах указана не сумма налога, а количество хозяйств, относящихся к той или иной категории налогоплательщиков. В последней графе, итоговой, дается сумма налога в денежном выражении. Записи в тетради выглядят так: в первой графе дается название мечети. Далее показывается количество хозяйств и размер собираемого налога. Вторая графа обозначает число хозяйств, относящихся к высшей категории и платящих по 3 тилля, третья — число хозяйств средней категории, вносящих по 2 тилля, четвертая графа — хозяйства низшей категории, облагаемые по 1 тилля. В последней графе дана итоговая сумма налога, собираемого со всех прихожан данной мечети.

Исходя из этого, мы легко устанавливаем в нашем примере, что в мечети Абдурахман-кара хозяйств высшей категории *а'ло* (т. е. имевших свыше 10 танапов земли) не было. Здесь имелось одно хозяйство средней категории — *авсат* (до 10 танапов земли), которое должно было платить налог в размере 2 тилля. Преобладали мелкие хозяйства — *адно* (до 5 танапов земли). Их насчитывалось пять; каждое из них облагалось 1 тилля. Среднее хозяйство выплачивало 2 тилля, а все мелкие — 5 тилля, что в сумме и дает указанный в тетради итог — 7 тилля.

В мечети Нияз Давурды Мутавали было 7 хозяйств, в том числе одно *а'ло*. Имеются также списки районов с указанием мечетей и общей суммы налога, собранного от издольщиков. Данные исследуемой тетради показывают, что издольщики платили налог не по категориям, как землевладельцы, а в точном соответствии с размером арендуемой ими площади, что и отражено в тетради. Там, где нет разбивки данных на категории, речь идет именно о зависимых крестьянах — издольщиках и указывается только одна цифра — размер причитающегося с них налога.

Тетрадь № 34 — ценный исторический источник, показывающий социальный состав и категории налогоплательщиков по каждой мечети, а также в отдельных провинциях и по всему ханству в целом. Мы узнаем из нее численность крупных, средних и мелких землевладельцев. Тетрадь впервые дает полное представление об административном устройстве ханства в XIX в., точно устанавливает, что в эту эпоху деление производилось не по родовому, а исключительно по территориальному признаку. Записи в тетради показывают не только размеры взимания налогов, но и распределение земли между различными категориями крестьян по мечетям, округам и даже по земледельческим районам всего ханства. По данным тетради № 34, в Хиве было 1 183 мечети, налогоплательщиков — 37 603. Общее количество хозяйств, имевших землю, равнялось 16 400, из них 3146 хозяйств относились к категории *а'ло*, 3934 имели от 5 до 10 танапов земли, 9320 имели менее 5 танапов. Средние хозяйства, имевшие 5—6 танапов земли, находились в столь же жалком положении, как 9320 хозяйств, имевшие менее 5 танапов. Следовательно, из 16 400 хозяйств *мулькдоров* только 3146 (или 17%) имели достаточное количество земли, между тем как 13 254 (или 83%) были малоземельными. 21 203 домохозяйства вообще не имели своей земли, а только арендованную. Согласно показателям тетради № 34, за 1276 год хиджры (1859—60) общая сумма *салгута* (земельного налога) должна была составить 47 828 полных тилля. Из них следовало взыскать с *а'ло* 9438 тилля, с *авсат* — 7868 тилля,

с *адно* — 9320 тилля. Издольщики обязаны были внести 21 202 тилля. Эта сумма, судя по тщательности записей, абсолютно точна и, таким образом, является сводом основного источника государственного дохода Хивы середины XIX в. Чтобы до конца уяснить исключительно важное значение для историка описываемой тетради, необходимо рассмотреть распределение земельного фонда *мулькдоров* — налогоплательщиков. По итоговым данным архивной тетради № С-699⁴, относящейся к 1259 г. х. (1843 г.), видно, что:

1) домохозяйств категории *адно* было 8404; средний надел по этой категории хозяйств был 2,5 танапа и в общей сложности данная категория имела 21 тыс. танапов земли ($8404 \times 2,5 = 21\ 010$);

2) домохозяйств категории *авсат* было 5716; средний надел этой категории — 7,5 танапа, а всего — около 43 тыс. танапов (42 860);

3) поскольку на долю *адно* и *авсат* в общем приходится 64 тыс. танапов, а общий земельный фонд *мулькдоров*-налогоплательщиков по данным того же хивинского архива составлял 129—142 тыс. танапов, то на долю 3634 домохозяйств *а'ло* остается около 65—78 тыс. танапов (в среднем 19—20 танапов).

Примерно таким же количеством земли владели и нукеры ханской армии. Это подтверждается, во-первых, поименным списком нукеров с указанием размеров земли каждого нукера, кому эта земля сдавалась в аренду и пр.; во-вторых, приводимыми статистическими данными, на основании которых видно, что по размерам землевладения из 2103 нукеров 1487 относились к категории *а'ло*, 425 — к категории *авсат* и 191 — к категории *адно*.

Соотношение размеров земельных владений мелких и крупных земельных собственников, как и распределение всего земельного фонда ханства, было примерно следующим. Как видно из списка духовных учреждений (с указанием размера принадлежащей им земли), большая часть земель была получена ими в XIX в. и особенно начиная с 40-х годов. Вакфный земельный фонд Хивинского ханства во второй половине XIX в. исчисляется в 165—170 тыс. танапов⁵. Фонд государственных пахотных земель, по нашим примерным подсчетам, составлял в 50-х годах около 85 тыс. танапов⁶. Эти подсчеты основываются на данных тетради № 34 о количестве арендаторов государственных земель. Денежный налог начислялся арендаторам частных, вакуфных и государственных земель по 1 тилля с 5 танапов, а общая сумма, уплачиваемая ими, равнялась 17 032 тилля; следовательно, арендуемые ими государственные земли *подшалык* не превышали 86 тыс. танапов.

Таким образом, если произвести примерное исчисление распределения земельного фонда в Хивинском ханстве середины XIX в., получается следующая картина:

1) непосредственные производители — крестьяне категорий *адно* и *авсат* имели 64 тыс. танапов;

2) *мулькдоры* категории *а'ло* имели около 70 тыс. танапов;

3) государству и *вакфу* принадлежало около 256 тыс. танапов.

Все указанные выше земли составляли в общей сложности 384 тыс. танапов. Любопытно сопоставить эти данные со сведениями, содержащимися в литературе. По материалам Г. И. Данилевского, в 40-х годах (т. е. именно в рассматриваемый нами период) на левом берегу Аму-Дарьи насчитывалось 1 866 666 танапов обработанной земли⁷. Хотя эти сведения никогда и никем не оспаривались и в общем не

вызывают сомнений, нельзя считать их абсолютно непогрешимыми. Более того, можно допустить некоторые отклонения даже в десятки тысяч тананов, но важно при этом, что и они не изменят общей картины: из 1 866 666 тананов земельного фонда на долю крестьян *адно*, *авсат* и *а'ло* приходилось лишь 134 тыс. тананов (60+70), на долю низших слоев феодально-бюрократического аппарата и нукеров — примерно 260 тыс. тананов, на долю государства и *вакфа* — 256 тыс. тананов и, наконец, на долю крупных феодалов — 1 216 666 тананов.

Свидетельство о количестве пахотных земель и садов Данилевский сопровождал следующими рассуждениями: «Значительная часть возделанной земли принадлежит хану, его родственникам, главным сановникам (нередкий из них имеет от 2 до 3 тыс. тананов), прочим чиновникам, духовенству, медресам и торговому сословию. Но, принимая в расчет, что в *их исключительном владении состоит все обработанное пространство по правой стороне Аму-Дарьи* (подчеркнуто нами. — М. Ю.), между каналом Шараханом и Ильтезерханским, можно полагать, что из означенного выше количества пашен (1 866 666 тананов на левом берегу. — М. Ю.) миллион тананов составляет принадлежность простого народа»⁸. Эти соображения автора о принадлежности «простому народу» 1 млн. тананов, или более половины всей земли, были некритически восприняты последующими исследователями вопроса и имеют хождение в литературе до сего времени. Обоснован ли такой вывод? Ведь предположения Данилевского базируются, в сущности, на следующем: так как на правом берегу Аму-Дарьи все земли были исключительно собственностью хана и его приспешников, то на левом берегу соотношение должно быть обратным, т. е. феодалы должны иметь меньшую часть земли, а крестьяне — большую. Однако такое положение было бы вероятным, если бы существовало два хивинских ханства, а так как ханство было единым, то гораздо более вероятно и закономерен иной вывод: феодалы, захватив земли на правом берегу, естественно, стремились к тому же и на левом. Поэтому, если к 1 866 666 тананам добавить данные по правому берегу Аму-Дарьи, соотношение владений крестьян и крупных земельных собственников изменится еще более в пользу последних, подтверждая наши выводы, что простому народу в Хиве принадлежало менее $\frac{1}{10}$ земли, а не «более половины».

Устанавливаемое нами распределение земельного фонда между различными категориями собственников позволяет также отвергнуть концепцию о наличии в Хиве большого фонда государственных земель и установить, что этот фонд был весьма незначителен. Статистические данные архива хивинских ханов показывают, что большая часть земель принадлежала крупным земельным феодалам, захватившим в свои руки $\frac{9}{10}$ всей земли, что имеет исключительно важное значение для понимания действительной природы и сущности социально-экономического строя Хивинского государства в середине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Ю. Юлдашев, *Государственный архив феодальной Хивы XIX века*, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов», Секция Ирана, Армении и Средней Азии, М., 1954, стр. 209—230.

² П. П. Иванов, *Новые материалы по истории Средней Азии (по поводу открытия архива хивинских ханов)*, — «Историк-марксист», М., 1937, № 3, стр. 220—222; *Архив хивинских ханов. Новые источники для истории Средней Азии XIX в.*, —

«Записки Института востоковедения Академии наук СССР», вып. VII, М. — Л., 1939, стр. 5—26; *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии XIX в.*, Л. 1940; М. Ю. Юлдашев, *Новые архивные источники по истории Средней Азии*, — «Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР», № 1, Л., 1951, стр. 35—41; М. Й. Юлдашев, *Узбек халқи тарихининг қиммат Баҳо ёдгорлиғи*, — «Известия Академии наук УзССР», Ташкент, 1957, № 1, стр. 27—32; *К вопросу о характере поземельного налога в Хиве в XIX в.*, — «Известия Академии наук УзССР». «Серия общественных наук», Ташкент, 1957, № 2, стр. 19—24; *К вопросу об особенностях развития феодального землевладения в Хиве XIX в.*, — «Первая Всесоюзная конференция востоковедов 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, изд-во АН УзССР, 1958, ст. 621—627; *Некоторые выводы из анализа документов государственного архива хивинских ханов XIX в.*, — «Известия Академии наук УзССР», «Серия общественных наук», Ташкент, 1958, № 1, стр. 5—11; *Некоторые данные о закабалении и продаже человека в период позднего феодализма*, — «Известия Академии наук УзССР», «Серия общественных наук», Ташкент, 1958, № 5, стр. 33—39; *Феодальное землевладение в Хиве XIX в. до присоединения ханства к России*, — «Известия Академии наук УзССР», «Серия общественных наук», Ташкент, 1959, № 3, стр. 33—47; *Землевладение и государственное устройство Хивы XIX в.*, Ташкент, 1959, стр. 600 и др.

³ Тетрадь № 34 в темно-зеленом переплете, с красным корешком, содержит 79 листов плотной бумаги размером более 1/4 листа. При чтении ее следует иметь в виду, что в самой тетради имеются колонки цифр, местами же текст написан в строку. В ней содержатся итоговые цифры по мечетям. Составлена она на основе именных списков всех налогоплательщиков, как *мулькдор*, так и издольщиков.

⁴ Институт народов Азии АН СССР, рукопись № С-699.

⁵ А. Балтаев, *Материалы к истории Хорезма*. Рукопись института востоковедения Академии наук УзССР, № 9320, лл. 79, 85. — По данным Балтаева, накануне Октябрьской революции количество вакфных земель составляло уже 281 тыс. танавов.

⁶ 20, 20 об., 21, 30 об., 46, 46 об., 47, 47 об., 48, 48 об., 49, 50, 53 об., 56 об., 59 об., 60, 65 об., 69 об., 70, 70 об., 72 об., 73 об.

⁷ Г. И. Данилевский, *Описание Хивинского ханства*, — «Записки русского географического общества», кн. 5, 1851 г., стр. 123.

⁸ Там же, стр. 123.

По докладу выступил Ю. Э. Брегель.

E. M. PESHCHEREVA (Leningrad): ORGANIZATIONS OF CRAFTSMEN IN CENTRAL ASIA IN THE LATE XIXth AND EARLY XXth CENTURIES

The study of the organizations of the craftsmen in Central Asia at the end of the XIXth and the beginning of the XXth centuries presents great interest. These organizations survived right up to the October Revolution; depending on various historic and economic factors, they were at different levels of development — beginning with the most primitive forms associated with the position of the crafts in a rural community where they had just begun to dissociate themselves from agriculture, and ending with the organization of craftsmen in big towns where, in a number of instances, they closely resembled Western European craftsmen's guilds. Their study reveals therefore a number of interesting features of life both in the villages and the towns of Central Asia in feudal times. Central Asian data on the organizations of craftsmen help to clarify a number of questions associated with the early stages of the emergence and development of guilds in general.

Many pre-revolutionary and Soviet scholars have studied and described the techniques of the various urban crafts, and sometimes, as a sidelight, furnished some information on their social organization. So far, however, there are very few printed works devoted specially to this subject¹.